

Глава 50. Побег (8)

Прошло довольно много времени с тех пор, как всё это случилось с Серафиной.

Точно сказать, сколько, я не мог.

Кажется, я по-прежнему её любил.

Иногда, очень редко.

Когда я смотрел на задний двор или сидел в приёмной с чашкой чая.

Внезапно всплывало её лицо.

Чувство тоски не исчезло полностью, но оно больше не заполняло всё моё сердце.

Сегодня я тоже почему-то тупо смотрел на задний двор.

Безымянная птица сидела на ветке и чистила пёрышки.

— Господин, доброе утро!

Послышался сзади голос Линетты.

От её голоса образ Серафины, витавший в моей голове, рассеялся.

Я, слабо улыбнувшись, обернулся.

— Какая ты бодрая с утра.

— Хотя для утра уже довольно поздно!

В общем, каждое утро, когда я открывал глаза, на вчерашний день, словно тонкий лист бумаги, накладывался новый.

Ничего особенного не происходило, но именно поэтому я был счастлив.

Мы с Линеттой снова вернулись к нашей повседневности — каждое утро ходить в деревню, обедать и возвращаться.

О Серафине мы ни разу не заговаривали.

Словно её никогда и не существовало.

Ни Линетта, ни я не решались произнести её имя.

Мы шли по лесной тропинке босиком.

Ощущение земли под ногами было приятным.

С какого-то момента, после обеда в доме Линетты, она, вернувшись во флигель, начала заваривать мне чай из цветочных лепестков, которые где-то доставала.

Маленькие фиолетовые, жёлтые, белые лепестки танцевали в чашке.

Аромат был приятным, но вкус — пресным.

Иногда он был немного терпким, а иногда вкуса не было вовсе.

Изредка чувствовался лёгкий, покалывающий привкус.

— Что это за цветок?

— Я точно не знаю, просто было написано «цветочный чай».

Линетта, вздрогнув, пожала плечами.

Хоть и было не очень вкусно, я молча пил чай.

Потому что его заварил Линетта.

Каждый раз, когда она видела, как я пью чай, она смотрела на меня с каким-то непонятным выражением.

— Кстати, господин, ваше лицо в последнее время... вы совсем другой человек по сравнению с тем, когда мы впервые встретились.

Сказала Линетта, ставя чашку.

— Правда?

— Конечно! Когда я вас впервые увидела, у вас были такие впалые глаза, будто вы потеряли весь мир, и вели вы себя, как будто вот-вот умрёте.

Каждую ночь кошмары, вы даже кричали, и просыпались в холодном поту...

А сейчас... ну, просто как дяденька, который без дела слоняется по деревне.

— Кто это тут дяденька?

— Эй, ну правда же, дяденька.

Вы и старше меня, и вечно без дела слоняетесь!

Она хихикнула.

— Кстати, это ведь всё благодаря тому, что я рядом?

Я ведь нужный вам человек, господин?

Спросила она игриво, со слегка возбуждённым голосом, но глаза у неё были серьёзные.

Я, ничего не ответив, с улыбкой легонько щёлкнул её по лбу.

— Ай! Опять дерётесь!

— Шумная.

Почему-то язык онемел.

Кажется, каждый раз, когда я собирался что-то сказать Линетте, сияющей в лучах солнца, у меня возникало какое-то странное ощущение, и я замолкал.

Так проходили дни, и вот однажды после обеда, когда я пил цветочный чай, заваренный Линеттой, я увидел, как во двор въезжает чёрная карета.

Это была карета семьи.

Вскоре дверь флигеля открылась, и вошла Левина.

На ней был тёмно-синий жакет и брюки, облегающие фигуру, — видимо, последний писк столичной моды.

Она привычно вошла в приёмную и кивнула Линетте.

— Принеси что-нибудь выпить в приёмную. Что-нибудь подходящее.

А потом, посмотрев на меня и кивнув, мол, пойдём поговорим, направилась к дивану.

Я пошёл за ней в приёмную.

Через некоторое время Линетта принесла чай и сладости.

Но это был не привычный цветочный чай, а обычный чёрный.

— Ну, как ты тут живёшь?

Спросила Левина, садясь на диван напротив.

Её взгляд на мгновение задержался на чашке.

— Вполне сносно.

Ответил я.

Так и было.

Если вспомнить жизнь в академии или тот момент, когда я горел заживо, то сейчас я чувствовал себя как в раю.

— Рада слышать. И вид у тебя стал лучше.

Левина слабо улыбнулась.

А потом кивнула управляющему.

— Принеси то.

Управляющий и ещё один слуга внесли в приёмную две большие коробки.

— Я беспокоилась, что ты будешь страдать из-за разрыва помолвки.

Мало ли, вдруг снова придут в голову странные мысли.

Звук тяжёлых коробок, поставленных на стол, разнёсся по комнате.

— ...Пожалуйста, не говори о Серафине.

Тихо сказал я, и Левина, почему-то с радостью, улыбнулась и кивнула.

Улыбка была какой-то неестественной.

— Хорошо, всё равно вы больше не увидите.

В общем, я привезла из столицы кое-что, что тебе может понравиться.

Слуги открыли коробки, и показались дорогие бутылки с алкоголем.

Даже по этикеткам было видно, что это очень дорогое спиртное.

В другой коробке горой лежали сигареты.

Редкие и дорогие, которые я не мог себе позволить, живя в академии, и которые мы курили с Эстель.

— За алкоголь спасибо, выпью.

Сказал я.

— Но сигареты мне не нужны. Я бросил.

В этот момент выражение исчезло с лица Левина.

Она всегда была бесстрастной, но сейчас это было что-то другое.

Она переспросила, словно не поняв моих слов:

— ...Что ты сказал?

— Сигареты, говорю, бросил. И пью почти не пью.

Левина на мгновение потеряла дар речи.

В её голове, видимо, не укладывался образ Лавина, который не пьёт и не курит.

Ведь тот я, которого она знала, всегда был окутан белёсым дымом.

— ...С каких пор?

Её голос, когда она наконец заговорила, мелко дрожал.

— С того дня, как приехал сюда.

Левина больше ничего не говорила.

Она лишь тупо смотрела на меня.

Её зрачки растерянно бегали.

— Это что, такая серьёзная проблема?

Сказал я шутливо, и Левина, вздрогнув, пришла в себя.

— А, да. Конечно. Просто... я удивилась.

Она неловко улыбнулась и запнулась.

— Здесь, видимо, и правда неплохо. Раз уж ты даже курить бросил.

Повисла долгая тишина.

Левина бессмысленно потягивала остывший чай.

А потом снова заговорила.

Голос, как обычно, был спокоен, но в нём не было силы.

— Кстати, в последнее время... ничего неприятного или подозрительного не случилось?

— В каком смысле?

— Ну, просто. Не появлялись ли странные люди, не искал ли тебя кто-нибудь?

Сказала Левина, теребя пальцы и избегая моего взгляда.

— Из-за матери. Боюсь, как бы она сюда не приехала. Если нет, то и хорошо.

— Рад, что у тебя всё хорошо. Кстати, тут один человек хотел тебя видеть.

— Кто?

— Кайл.

Сказала Левина.

— Тот простолюдин.

Я, услышав это имя, никак не изменился в лице.

— А зачем я ему?

— Не знаю. Просто, услышав о тебе, он умолял о встрече. Если не хочешь, я передам, что ты отказался. Это ведь неважно.

Левине было всё равно, встретится ли Лавин с тем простолюдином.

Тем более, что Кайл — не женщина, как Серафима.

— Нет, я встречусь.

От моего ответа брови Левины слегка приподнялись.

Она встала.

— Хорошо. Тогда привезу его на выходных. А ты пока будь здоров.

Перед уходом Левина остановилась у двери и спросила:

— Может, ты хочешь чего-нибудь?

Я на мгновение задумался.

Вспомнилось, как Линетта говорила, что хочет поехать в столицу и попробовать знаменитые десерты.

— Десерты. Привези несколько, самых знаменитых в столице.

От того, что я чего-то захотел, лицо Левины просветлело.

Она, сказав «хорошо», вышла из комнаты гораздо более лёгкой походкой, чем обычно.

Левина ушла, и в комнате остались только я и Линетта.

— Эм, господин. Молодая госпожа действительно говорила о том самом Кайле? Который учится в академии...

Осторожно спросила Линетта.

Хотя она и не могла скрыть удивления на своём лице.

— Да, о нём.

Коротко ответил я, ничего ей не объясняя.

Я не стал спрашивать, знакомы ли они, дружат ли.

Это было неважно.

— Ух ты... я ему недавно письмо отправляла. Так давно не виделись.

Линетта, разволновавшись, продолжала щебетать.

Я, сам того не осознавая, схватил её за запястье.

Она замолчала.

Я тихо сказал ей:

— Линетта. Я ведь не мусор и не негодяй, правда?

Линетта на мгновение округлила глаза.

А потом, покачав головой, сказала.

Голос был твёрдым.

— Нет! Те, кто так говорит о вас, господин, — плохие люди! Я в жизни не видела, чтобы... чтобы такой знатный человек, как вы! был так добр к такой, как я.

Сказав последние слова, она покраснела.

— Может, это из-за того, что я заговорила об академии? Я слышала, как вы бормочете по ночам. Что там...

— Нет. Не из-за этого.

Я прервал её.

— Просто немного тревожно стало. И спасибо.

Линетта смущённо покраснела, но потом гордо выпрямила грудь.

— Вы хороший человек, господин. Так что я могу за вас поручиться!

Я, глядя на неё, слабо улыбнулся.

<http://erolate.org/book/1526/189230>